

„Я не даю себе покоя“

БЕСЕДА С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР
РАМАЗОМ ЧХИКВАДЗЕ

Прекрасное это слово — мастер. Наполненное особым достоинством, означающим совершенство владения своим делом. Носить такое звание почетно и тяжело. К мастеру применимы только высокие мерки, по ним его судят, не давая расслабиться, проявить снисходительность к себе.

В актерской профессии мастерство — это только начало. По крайней мере, в творчестве больших артистов.

Сегодня Рамаз Чхиквадзе знаменит. Ему рукоплещет мир. Под изумленными перьями критиков рождаются очередные статьи с попытками разгадать уникальный сценический феномен. Каждая его новая работа ожидается с нетерпением. Но слава — не охранная грамота для Чхиквадзе. Он не почитает на лаврах, неуспокоен, неудовлетворен и, как ни парадоксально это звучит, всегда готов к поражению.

— Вполне всем довольный художник мне кажется явлением противоестественным, — утверждает Рамаз Григорьевич. — Актер обязан все время находиться в состоянии поиска. Чем больше удалось найти, тем больше остается нераскрытого, непознанного. Здесь нет границ. Поиск должен вести к общей цели, сплачивающей всех творцов спектакля. Без этого нет искусства театра. Каждому надо прийти к этому ценой огромного труда, с чувством высокой ответственности за то, что своим словом, действием несешь зрителю. За то, взволнованным или холодным останется зал. Без тревоги — самоуспокоенности, а это — гибель искусства. Нет горше неудачи, чем скучающий зритель. А он будет скучать, если актер потерял ощущение новизны.

Я не даю себе покоя. Говорят, что самое трудное испытание — медными трубами. Совершенно с этим согласен. У человека вдруг начинает кружиться голова от собственных успехов. Ему уже кажется, что он царь и бог. На товарищей посматривает свысока: что там за мелкота копошится внизу? Он — мэтр, он — непорочим, его мнение — последнее. Заносчивость, которая, кстати, чаще всего неоправданна, — сильно вредит человеку любой профес-

сии. А в нашей она вредна вдвойне. Ведь искусство театра сиюминутно. Спектакль рождается и умирает в один вечер. На завтра надо забыть аплодисменты, восторги, цветы и начинать все сначала.

Надо жить не воспоминаниями, когда ты сам себе нравишься на вершинах Олимпа, — так, конечно, спокойнее, уютнее, — но всегда думать о будущем. Давно сказано: в карете прошлого далеко не уедешь.

И еще. Не стоит бояться падений, от них никто не застрахован. К неудаче надо быть готовым, чтобы не оказаться сломленным, найти силы подняться, снова обрести голос. Работая над ролью, я более склонен думать о поражении, чем об успехе. Сомнение, сомнение, сомнение... Оно никогда не лишне. Не канонизировать самого себя — вот что кажется мне чрезвычайно важным. Влюбившийся в собственное отражение быстро кончается как художник. Превращается в ремесленника. Наверное, про него еще долго по инерции будут говорить как о мастере. Но обман-то раскроется!

У настоящего творца неистребима тяга ко всему неизведанному, к обретению новой художественной правды. Не стоять на месте, не подгонять работу под собственные открытия — это манифест нашего коллектива. И я счастлив исповедовать его.

Театр им. Шота Руставели славен именами талантливых актеров, высочайшим мастерством режиссуры, фантазией художников. Каждый спектакль — карнавал поражающих воображение находок, праздник остроумия и интеллектуального шутства. Здесь — зрелищность особого рода, она призвана не развлечь зрителя, а пробудить в нем стремление разгадать, уяснить подтекст мыслей, поступков, слов, который щедро сопровождает любую сценическую ситуацию. Совершенно уникален, неисчерпаем в этом ряду Рамаз Чхиквадзе. В любом образе он непредсказуем, пластичен, слово, действие, даже на первый взгляд весьма незначительные — всегда процесс, поступок. Его эмоциональное воздействие на зрителя... С чем его сравнить? Возможно, уместно вспомнить вот это вы-

сказывание Гейне. Он говорил о двух античных ораторах Цицероне и Демосфене. Когда выступал в сенате Цицерон, слушающие его замирали в восторге: «Ах, как он говорит сегодня!» А после речи Демосфена афиняне кричали: «Смерть Филиппу!» Я бы отдала предпочтение ораторскому искусству Демосфена — его слово проникало глубоко в сердца людей и жгло их, заставляя вольно-невольно разделить позицию выступающего, подчиниться призыву. Игра Чхиквадзе имеет конкретную, определенную направленность на эмоции зрителей, вызывая заранее продуманную артистом реакцию на явление, которое он бы хотел возвысить или осрамить. Он — не сладкоречивый златоуст, он убеждает чаще не очень-то приятными взору и слуху методами, прибегая к буфонаде, гротеску, трагической эксцентриаде. Но всегда это подчинено точному актерскому расчету, академической соразмерности, даже в том случае, когда исполнитель кажется полностью захваченным океаном игры, стихией импровизаторства.

Стоит актеру выйти на сцену, и мы видим только его. Рассказывать о нем трудно, почти невозможно, как невозможно объяснить и описать само искусство — многоликое и загадочное. Лучше зададим Рамазу Григорьевичу несколько вопросов.

— История любого театра знает периоды, когда в коллективе рождаются неудовлетворение, спад. Немирович-Данченко даже отводил на жизнь творческого организма всего пятнадцать лет. А потом пробивает дорогу новая художественная тенденция, нарушаются, казались бы, забытые традиции, привычные нормы расшатываются. Как вы относитесь к таким явлениям? К традиции вообще?

— Если бы все нравилось всем, то театр просто бы топтался на месте. Те, кто идет за нами, не должны быть похожи на нас. Мы думаем о завтрашнем дне. О будущем. Всем нам безразлично, каким станет театр, какие зрители придут к нам. Но перемены для нас не самоцель. За ними всегда стоит программа. Готовые приемы, стереотип мышления — вот что опасно. А традицию не надо понимать слишком узко, видеть в ней канон. Главное, по-моему, дух, а не буква. История театра имеет немало приме-

ров, когда отчаянно ругали «нарушителей», а потом с тем же усердием возводили их на пьедестал.

Чужой опыт, аналогии могут стать толчком, но копирование — неприемлемо. Ищи свое. Не бойся рисковать.

— Ваш-то риск всегда заканчивается победой... Вы просто обречены на успех.

Рамаз Григорьевич смеется, потом задумчиво качает головой:

— Говорят так. Но бывает всякое... Я знаю разные дни — и погожие, и облачные. А в сущности каждый творческий человек — творческий! — постоянно рискует. Нельзя, начиная работу, заранее планировать благополучие. Как у нас было, например, с постановкой «Ричарда III»? Спектакль уже был практически закончен, когда Роберт Струа решил полностью отбросить все сделанное. Потому что спектакль показался ему штампованным, банальным. В него было вложено немало сил, времени. Но мы не раздумывали ни секунды. Так появился новый «Ричард», которого знают сейчас зрители.

— Что такое стилистика театра имени Шота Руставели?

— Коротко ее можно определить так: неустанный поиск нового и неожиданного решения. Через это у нас сложилась прекрасная творческая атмосфера — замечательное ощущение свободы, духовного раскрепощения, что, в свою очередь, рождает желание работать во всю меру отпущенных возможностей. Впрочем, современному художнику определяется не его стилем и манерой (хотя, безусловно, и это очень важно), а прежде всего современностью выражаемой им духовной идеи и мироощущения. Искусство — не монолог с самим собой. Художник только тогда по-настоящему интересен, когда принимает активное участие в жизни общества, отвечая своим творчеством на те жгучие вопросы, которые рождает время. В конце концов спектакль ставится не ради лабораторного эксперимента, пусть и весьма заманчивого. Все определяет

идея, ей подчинено остальное. Не «что» сказать, а «как» сказать! Ведь пьесу можно прочесть по-разному. Любой первоисточник обогатить или обеднить новой интерпретацией.

— Ваш Ричард — совершенно неожидан, он разбивает все существующие концепции этой роли.

— Мы хотели приблизить события к сегодняшнему дню. Ричарды и сейчас могут повториться. Но говорить об этом со зрителями, используя старый багаж, невозможно. Сложился стереотип восприятия этого героя Шекспира и конкретной исторической личности — злобный урод. В нашем спектакле Ричард — сильная, волевая личность, человек, мыслящий государственными масштабами. Пожалуй, он в чем-то выше своих многочисленных жертв, которые, при стечении обстоятельств, могли бы сами стать прекрасными палачами. Зло несет не он один (кстати, в Англии даже существует общество защиты Ричарда), но и те, кто активно способствует торжеству вседозволенности. Может быть, они — в первую очередь. Политические интриги, убийства, шантаж, лицемерные заявления — это знакомо нашему беспокойному миру. И об этом говорит спектакль. Актуальность такой трактовки понимают зрители многих стран.

— Рамаз Григорьевич, есть ли у вас планы, связанные с кино? Ведь и на экране вами создано немало интересных образов. Вспомним хотя бы главного героя фильма «Саженьцы».

— Когда есть свободное время — снимаюсь. Но его очень мало. Правда, в Томск я прилетел прямо со съемок в Потсдаме. Я играю Сталина в фильме «Победа» по одноименной книге Чаковского.

— Вы сказали: свободного времени мало. Но я все-таки рискую задать вопрос. Чему вы посвящаете свободное время? Кроме съемок в кино, конечно.

— Люблю живопись, музыку. Я учился в консерватории, но страсть к театру пересилила. Закончил театральный институт, и меня приняли в театр имени Шота Руставели. Сбылась мечта. Я — человек везучий.

— Вам везет во всем?

— В главном. А для меня главное — работа, мои друзья — единомышленники. Трудная, мучительная профессия — актер. На нашем пути больше шипов, чем роз. И всю жизнь надо сдавать экзамен. Но...

Иду в свой театр. Я радуюсь предстоящей работе. Разве это не везение?

Н. МАСКИНА.

НА СНИМКЕ: народный артист СССР Р. Чхиквадзе.

Фото Н. Потапова.